

- 2) аб неабходнасці максімальна поўнага выяўлення, апрацоўкі і выкарыстання арыгінальных дакументаў і матэрыялаў, без якіх на сённяшні дзень практычна немагчыма наблізіць айчынную ваенна-гістарычную навуку да сусветнага ўзроўню;
 - 3) аб патрэбнасці рашучага звароту беларускай ваенна-гістарычнай навуцы да замежнага вопыту распрацоўкі гісторыі акупацыі Беларусі 1941—1944 гг. скрозь прызму гісторыі паўсядзённасці.
1. "Fuehrer-Erlasse" 1939—1945. Stuttgart, 1997.
 2. Н о в і к а ў С.Я. Эканамічная палітыка нацыскай Германіі ў Беларусі 1941—1944 гг.: агляда крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў. Мін., 2002.
 3. G e r l a c h Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. Hamburg, 2000.
 4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь — далей НА РБ, фонд мікрафільмаў, МФ 257.
 5. Федэральны архіў Германіі (Берлін), далей — BA, R 94/9, RKU, Generalbezirk Wolynien v. 25.9.41; RW 31/256, Anlage zu III E 145/42g, Karte des RKU v. 05.1942.
 6. BA, R 93/14, Erfahrungs- und Raemungsbericht fuer das Gebiet Pinsk.
 7. Архіў Інстытута навейшай гісторыі (Мюнхен), далей — A IfZ, MA 795, 798.
 8. BA, R 90/8. Organisationsplan des Reichskommissars fuer die Ukraine, o.D.
 9. Федэральны ваенны архіў Германіі (Фрайбург), далей — BA-MA, RW 31/305, Die landwirtschaftlichen Leistungen des besetzten Ostraumes im ersten Wirtschaftsjahr (1.9.1941—31.8.1942).
 10. BA, R 93/14, GebK. Brest-Litowsk, Taetigkeit und Abschlussbericht des Abt. Wirtschaf v. 29. August 1944; Abschlussbericht und kurzer Ueberblick ueber die Taetigkeit des Gebietslandwirtes von August 1941—Mitte Juli 1944.
 11. BA, R 6/23, Schnellbrief des Reichsmarschals des Grossdeutschen Reiches V.P. 17064/1 v. 17. Oktober 1941.
 12. НА РБ, ф. 4683, воп. 3, с. 971, 1043.
 13. A IfZ, MA 795: Verwaltungsmaessige Unterstellung der drei nordwolyinischen Gebieten Brest-Litowsk, Kobzin, Pinsk. Einschreiben des Reichskommissars fuer die Ukraine v. 26. April 1944.
 14. BA-MA, RW 30/155, Taetigkeitsbericht W Wi Aussenstelle Brest-Litowsk v. 25. Mai 1943: Liste der Betriebe GebK Pinsk; Wi In Brest-Litowsk. Kurzbericht v. 8. Juni 1943.
 15. BA, R 93/14. Anlage 1: Aufstellung der in der Zeit vom 1.9.1941 — 31.3.1944 im Gebiet Pinsk vereinnahmten Steuern.
 16. BA-MA, RH 3/v. 332. Rue In Ukraine. Liste des in ganggesetzten Betriebe. Bericht Aussenstelle 17 v. 20.1.42.
 17. BA-MA, RW 30/155. Taetigkeitsbericht W Wi Aussenstelle Brest-Litowsk v. 25. Mai 1943: Liste der Betriebe GebK Pinsk.
 18. A IfZ, RMfO: Schr. Nr. 223 v. 3.6.42: Die Neuordnung fuer Handwerks in der Ukraine.
 19. BA, R 93/14. Anlage 2 zu Erfahrungsberichten der Jahre 1941/42, 1942/43, 1943/44 im Gebiet Pinsk.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ В ОКУПИРОВАННОЙ БЕЛОРУССИИ (1941-1944 ГГ.)

Э.С.Ярмусик

г. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

Правовой статус религиозных конфессий на оккупированной гитлеровцами территории Белоруссии основывался на важнейших доктринальных положениях нацистской идеологии и политики, предусматривающих господство германской расы над всеми остальными, борьбу за жизненное пространство (Lebensraum) за счет евреев и славян.

Не случайно, что христианство с его универсализмом и общечеловеческими ценностями, противоречило нацизму. Гитлеровское руководство Третьего Рейха, однако, с целью привлечения на свою сторону народных масс, прежде всего верующих, вынуждено было завуалировать своё отношение к религии и проявлять к ней внешнюю лояльность.

В программе национал-социалистической рабочей партии (НСДАП), принятой в 1924 году, провозглашалась свобода всех религиозных верований в государстве, однако при этом приоритет интересов и ценностей немецкого народа оставался превыше всего [13, с. 283-284]. В «Мейн Камф» («Моя борьба») Гитлер недвусмысленно высказался о христианстве, в частности, о католицизме и протестантизме. По мнению фюрера, «протестантизм всегда будет нам помогать в поддержке того, что немецкое, либо это будет касаться немецкой чистоты, углубления национальных чувств, либо защиты немецкого образа жизни, языка, а также немецкой свободы, поскольку это все составляет его основу...» [13, с. 65].

Вместе с тем, Гитлер категорически отвергал какие бы то ни было отношения с церковью: «Политические партии не должны иметь ничего общего с религиозными проблемами, религия не должна включаться в партийные интриги. Если досточтимые священнослужители используют религиозные институты, а также учения, чтобы ранить свою собственную нацию, они не должны иметь последователей. Нужно употребить против них их собственное оружие» [13, с. 65]. Эти основные идеи гитлеровской идеологии и политики определяли правовое положение религиозных конфессий и в период временной оккупации немцами Белоруссии.

Из всех конфессий наибольшую неприязнь гитлеровцев вызывала католическая. Немцы усматривали тесную связь Костёла и «польских повстанцев, которые тесно сотрудничают с католической церковью», и относили их «наряду с евреями и партизанами» к числу «враждебных сил Германии». Гитлеровцы считали, что «польская (римско-католическая) церковь смотрит на Белоруссию как на колониальную область и разворачивает здесь совместно с польским повстанческим движением политическую деятельность, которая всеми средствами должна быть прекращена» [7, лл. 33-34]. Отсюда проистекло, что идейным вдохновителем польского движения сопротивления является духовенство. Немецкие спецслужбы были убеждены, что польское римско-католическое духовенство в национально-политическом отношении разворачивает чрезвычайную активность. Оно является носителем польского шовинизма и умело маскирует свою антинемецкую позицию и свои замыслы.

Все это давало основание немцам рассматривать деятельность Костела и духовенства как политическую, противоречащую планам германского Рейха на Востоке. В ней выделяли ключевые направления: распространение католицизма на восток за счет вытеснения православия, колонизация, подавление национального самосознания белорусов через принадлежность к католической вере, поддержка притязаний Польши на белорусские земли, тайная антинемецкая политика.

В числе первоочередных мер, ограничивающих римско-католический Костёл на Востоке, немцы предусматривали удаление из Остланда иезуитского ордена, закрытие католической семинарии в Вильно и запрет всякой католической деятельности на восточном пространстве, которая преследует цель католизации России [12, кадры 000087-000090].

Не меняя своего отношения к церкви как таковой («ясно, что церковь – наш враг»), гитлеровцы категорически утверждали: «на Востоке не должна господствовать римско-католическая церковь». Православная церковь представляла меньшую опасность: в свое время большевики обезглавили ее, уничтожив большинство духовенства, «...а еще не ликвидированный остаток священнослужителей представляет дрянный народ. Остались не самые лучшие. Они деградировали, поскольку не было надзора со стороны церкви. К тому же молодёжь полностью отчуждена от православной церкви. Она понятия не имеет о господае Боге» [8, лл. 19-20].

Немецкие документы, составляющие правовую базу деятельности религиозных конфессий, носили противоречивый характер. Провозглашая свободу вероисповедания и деятельности всех конфессий, они дополнялись секретными распоряжениями и указа-

ниями, которые ограничивали сферу влияния Костела. Относительно «ортодоксальной», т.е. Православной Церкви, обеспечивались более благоприятные условия для ее существования и, до определенных границ, поддержка. Такая тактика позволяла иметь среди православного клира своих сторонников и, по возможности, использовать их в противовес и католицизму, и Московской Патриархии.

17 июня 1941 года шеф полиции безопасности и СД Рейнхард Гейдрих издал указания шефам оперативных групп по вопросу «национальной политики» на восточном пространстве. «В церковной политике, — говорилось в письме, — против устремлений ортодоксальной церкви взять на себя влияние на массы ничего не предпринимать и, напротив, по возможности содействовать таким устремлениям и созданию религиозных сект не противиться».

В середине августа на основании поступивших тем временем отчетов оперативных групп для последующего обращения с церковью в занятых советских областях «в соответствии с данными фюрером основными направлениями» Гейдрих дал измененную директиву. Она подтверждала, что против «развития сектантства на советско-русской территории ничего не предпринимать», но уже подчеркивала, что «о содействии ортодоксальной церкви речь может идти ровно столько, как и о католической церкви. Деятельность последней должна находиться под особым наблюдением и путем далеко идущих ограничений управления еще действующего на оккупированной территории католического духовенства, а также путем немедленной высылки нарушающих запрет и ограничения вновь прибывших».

О восстановлении прежней патриархальной русской церкви не могло быть и речи, напротив, желателен «раскол ее на... отдельные группы. В отошедших к Восточной Пруссии и к генерал-губернаторству частях оккупированных областей (Белостока и Восточной Галиции) следовало стремиться, чтобы находящиеся там еще католические учреждения взяла под свое попечительство ортодоксальная церковь, что касается государственного церковного имущества, то на первых порах не могло быть и речи о его возврате» [14, с. 132-133].

Секретная директива определяла линию оккупационных властей относительно церковного вопроса: проявлять максимальную сдержанность, не препятствовать, но и не способствовать оживлению религиозной жизни, под особый контроль взять католическую церковь.

Аналогичные установки содержались и в документах министерства по занятым восточным областям. На основании §8 указа Гитлера «Об управлении вновь занятыми восточными областями» от 17 июля 1941 года рейхсминистр издал в феврале 1942 года «Постановление о свободе религии в занятых восточных областях», согласно которому всем верующим гарантировалась свобода их вероисповедания, а лица одного вероисповедания имели право объединяться в религиозные общины [12, кадры 000052-000053].

В «Директиве об обращении с религиозным вопросом», изданной тем же рейхсминистерством (дата не указана) религия рассматривалась как личное дело каждого. Запрещалось преследовать местное население по религиозным мотивам. Церковным организациям могли возвращаться отнятые еще при большевиках храмы.

Религиозная деятельность ограничивалась определенными рамками. Не разрешалось проводить церковные конгрессы и им подобные организационные мероприятия, запрещалась политическая деятельность священников и в особенности конфессиональных союзов, участие военнослужащих вермахта и военных священнослужителей в богослужениях с местным населением. Налagался запрет на «въезд из эмиграции в занятые восточные области особых посланников церковных организаций из других стран».

Общее политическое руководство, а тем самым и реализация церковной политики на оккупированных территориях СССР, входили в обязанность рейхскомиссара по занятым Восточным областям, подчиненных ему рейхскомиссаров, генеральных и гебитскомиссаров [9, л. 16].

Одним из первых шагов, предпринятых немцами после принятия занятой территории под гражданское правление, стала регистрация действующих в Белоруссии священнослужителей всех конфессий. Она проводилась гебитскомиссарами в ноябре 1941 года. Ра-

нее выданные вермахтом разрешения на духовную деятельность считались недействительными и подлежали сдаче гебитскомиссару. Всем церковным служителям предписывалось заново подать заявление в местную управу на выдачу разрешения на совершение церковной деятельности. К заявлению (ходатайству) прилагались личная анкета и автобиография. В анкете указывались фамилия, имя, место жительства, дата и место рождения, семейное положение, гражданство, национальность и религия (в том числе родителей и бабушки с дедушкой), отношение к военной службе в прошлом, профессия и образование.

Разрешение выдавалось гебитскомиссарами с санкции генерального комиссара только после проверки личности ходатайствующего и установления его происхождения и национальной принадлежности, а также лояльности к немцам. В случаях «с немесными священниками при предъявлении ходатайства о выдаче разрешения полагалось сообщать, действительно ли местные условия вызывают необходимость духовного обслуживания населения и существует необходимость церковной деятельности» [6, л. 2; 3, лл. 3-4].

Но, даже получив разрешение, ксеназы польской национальности находились под пристальным вниманием оккупационных властей и спецслужб, белорусских деятелей. Самые жесткие меры применялись к тем из них, кто был замечен в «польской политической пропаганде в римско-католической церкви». К «пропаганде» относилось и употребление в богослужениях польских патриотических выражений: название Матери Божьей Польской Королевой; упоминание польской Короны и т.п. Если такие факты становились известны властям, ксеназ тут же лишался разрешения на духовную деятельность [4, л. 40].

В округах местные органы власти добивались сужения сферы влияния религии, регламентировали богослужебную деятельность. Так, 12 декабря 1941 года генеральный комиссар Белоруссии распорядился «предоставить населению в 1942 году отпраздновать рождество снова по старым народным традициям». На всех учреждениях и предприятиях местным рабочим предоставлялся двухдневный отпуск православным — 6 и 7 января 1942 года, а в районах с преобладающим римско-католическим населением — 25-26 декабря 1941 года [6, л. 13].

Он же 17 апреля 1942 года распорядился считать церковными праздниками римско-католического Костёла Новый год, Три Короля, первый день Пасхи, Вознесение Христа, первый день Троицы, Петра и Павла, Вознесение (Успение) Пресвятой Девы Марии, Всех Святых, День Непорочной Марии, первый день Рождества [69, л. 28]. Аналогичные указания следовали и в других округах.

В планах гитлеровцев было ликвидировать универсальный характер и единство христианской религии, разделить конфессии по национальному принципу. Немцы игнорировали исторически сложившееся административно-церковное деление, полагая, что оно должно совпадать с административно-территориальным. Такое видение религиозной политики изложил рейхсминистр по занятым восточным областям Альфред Розенберг в письме от 13 мая 1942 года рейхскомиссару Остланда Генриху Лозе и рейхскомиссару Украины Эриху Коху. «Во избежание противовеса силе власти и немецкому правлению, — отмечалось в письме, — в занятых восточных областях не может быть религиозного запрета. Духовные потребности населения должны обслуживаться священниками родственной им национальности, а не универсально назначенными другими церквями и религиозными обществами — лицами. Принципиально следует стремиться, чтобы религиозные общества ограничивались одним генеральным округом».

Относительно католического Костёла следовало «принимать во внимание, что деятельность его в Литве ограничивается только генеральным округом Литвы, и что католический епископ Литвы должен быть литовцем, а не поляком. Поскольку в генеральном округе Литвы имеются польские католики, то последние должны иметь свою польскую духовную верхушку, которая, однако, ни в коем случае не должна иметь церковно-политических полномочий в генеральных округах и, прежде всего, в генеральном округе Белорутений. Всякая попытка нарушения этого положения должна всеми средствами пресекаться, тем более, если здесь речь идет не о религии, а о польской политике».

Подобные указания следовали и в отношении Русской Православной Церкви. «Русская ортодоксальная церковь не может стать владельницей душ белорусских православных верующих, она ... ограничивается только неоспоримой русской терри-

торий населения и не распространяется на другие области. Таким образом, в Белоруссии будет иметь место, среди прочих, белорусско-ортодоксальное, русско-ортодоксальное и римско-католическое правление, причем преимущество должно отдаваться белорусскому» [11, кадры 001182-001186].

Основываясь на указаниях рейхсминистра, 19 июня 1942 года рейхскомиссар Остланда Генрих Лозе подписал постановление о правовом статусе религиозных организаций на оккупированной территории.

Оно предусматривало условия и порядок обязательной регистрации существующих и создания новых религиозных общин, назначения членов их правления. В течение трех месяцев со дня выхода постановления каждая религиозная община обязана была сообщить генеральному комиссару подробные сведения о своем названии, структуре, территории действия, усадьбе, вероисповедании или религиозном направлении, президиуме или иных органах, руководящих лицах, их обязанностях и задачах.

В руководящий состав не могли входить лица, подозреваемые в политической неблагонадежности. Религиозные общины и их неместные и местные органы должны были ограничивать свою деятельность исключительно выполнением религиозных задач. Нарушение предписаний постановления, и особенно превышение сферы деятельности религиозных общин, их органов или функционеров, влекло наказание денежным штрафом, накладываемым генеральным комиссаром. В случаях, если деятельность общины не ограничивалась выполнением религиозных задач или угрожала общественному порядку и безопасности, она могла быть распущена [2, л. 40; 12, кадры 000238-000239].

Реализация положения о религиозных общинах приводила к тому, что церкви и костелы утрачивали свое общественно-правовое положение и переводились в разряд обычных организаций, которые находились под надзором оккупационных властей и подчинялись исходящим от них предписаниям. Деятельность религиозных общин и духовенства становилась все более затруднительной. Создавались препятствия в проведении душпапстырской опеки над верующими, усиливался надзор оккупантов за деятельностью священнослужителей.

Большие затруднения создавались для деятельности духовенства в результате разделения самого большого Виленского архидиоцеза на сепаративные районы. Административно-территориальное деление, проведенное немцами, привело к тому, что Виленский архидиоцез вошел в состав 3 территориальных единиц: рейхскомиссариата Литва, округов Белосток и Белорутения. Оккупационные власти не признавали полномочий виленского архиепископа на территории Белоруссии.

Католики, проживающие на территории генерального округа, находились в юрисдикции двух епископов — Виленского (вначале Ромуальда Ялбжиковского, затем Мячислава Рейниса) и Пинского — Казимира Букрабы. К Виленскому отходили округа: Глубокое, Вилейский, Лидский, Слонимский, к Пинскому — Новогрудский, Барановичский, Ганцевичский, а Минский, Слуцкий и Борисовский округа номинально подчинялись находящемуся в Латвии епископу Слоскану.

Рейхсминистр по занятым восточным областям не признал деление римско-католического Костела на епархии и не согласился с компетентностью Виленской епархиальной курии в отношении территорий генерального округа Белорутении [4, л. 43].

Правовое положение Костела в каждом из округов, на которые была разделена территория Белоруссии, зависело во многом от того, кто возглавлял округ, какие политические силы здесь группировались и в какой мере они хотели использовать религию в своих интересах.

Наиболее остро шла борьба вокруг Костела в округе Белорутения, который с сентября 1941 по сентябрь 1943 года возглавлял гауляйтер Вильгельм Кубе. Здесь же активную деятельность развернула группа белорусских национальных и религиозных деятелей. Они возлагали немалые надежды на Кубе, добиваясь изменения статуса Костела (провозглашения его автокефалии) и использования его в узконациональных интересах.

Политика ограничения сферы влияния Костела проводилась и в округе Белосток. Религиозные вопросы находились в компетенции Гражданского управления. Власти округа препятствовали связям католических священников с виленской курией.

Им запрещалось выдавать паспорта для переезда через границу на территорию рейха. Выезд из округа в рейхскомиссариаты Остланда и Украина осуществлялся на основе положений от 7 июля и 18 июля 1942 года [1, л. 10].

Богослужения обоих вероисповеданий (за исключением свадеб и похорон) разрешались только в нерабочее время. Исповеди могли приниматься лишь в дни, объявленные немецкими законами выходными и праздничными, «либо если власть в Белостоке объявит праздничным другой день» [1, л. 27].

Нередки случаи, когда немцы переносили время богослужений даже в выходные дни. К примеру, распоряжением крайкомиссара гродненского уезда с 19 апреля по 10 мая 1942 года, в связи с полевыми работами, утренние богослужения могли проводиться лишь с 6 до 9 утра [1, л. 39]. В Белостокском округе законными праздниками объявлялись воскресенье, Пасха, Троица, Рождество, Новый год и Страстная пятница. Все остальные дни считались рабочими. Прочие праздники могли устанавливаться лишь с разрешения обер-президента Гражданского управления Белостокского округа. Без разрешения местных властей запрещалось устраивать богослужения или какие-либо мероприятия в рабочие дни. Нарушение этого указания влекло за собой строгое наказание [1, л. 28].

Правовой статус Костела в рейхскомиссариате «Украина» принципиально не отличался от других регионов. Об этом можно судить по уже цитированному письму рейхсминистра Альфреда Розенберга рейхскомиссару Украины Эриху Коху от 13 мая 1942 года: «Для Украины в принципе также следует стремиться, чтобы каждый генеральный округ имел у себя ту церковь, число верующих, ее посещавших, которой составляет большинство жителей генерального округа. В смешанных областях следует поступать, как в Белоруссии, — так, чтобы здесь православные русские от православных украинцев или украинских униатов обслуживались церковью раздельно и каждая имела собственное духовное руководство. Украинским религиозным обществам принципиально гарантируется преимущество, за исключением чисто русских поселений. В части украинской автокефальной церкви следует учитывать, что эта церковь является мощнейшим инструментом».

Что касается Православной Церкви, подчиненной Московскому Патриархату, то следовало «путем внутреннего объединения генеральных округов способствовать ее подрыву и обречению на раскол, с другой стороны, создать противоядие опасности образования политической власти» [11, кадры 001182-001186].

Политика гитлеровских оккупантов в отношении католического Костела ставила целью ликвидацию всяческих проявлений «польскости» в костельной жизни, вплоть до полной ликвидации католического Костела как «польской организации» и превращение его в социальный институт, лишенный какого бы то ни было права участия в публичной жизни и влияния на нее.

Конфессиональная политика германских властей распространялась не только на мирное население. Среди служащих вермахта (военных и гражданских), военнопленных в лагерях на территории Белоруссии было немало католиков и верующих других конфессий. Нацистское руководство вынуждено было с этим считаться. Однако удовлетворение религиозных потребностей этой категории верующих было ограничено еще в большей степени, чем мирного населения.

Жесткой регламентации подвергалось отправление религиозных обрядов военнослужащими вермахта, фольксдойче, членами их семей. Им запрещалось посещение церквей, участие в каких-либо «иностранных» конфессиональных организациях с религиозной целью и внеслужебное общение с их священниками. Богослужения для них проводились в установленные дни, место, время [5, лл. 14, 16]. Так, по приказу коменданта города Минска от 25 февраля 1942 года каждое воскресенье во фронтовом театре на Комендатурштрассе, 39 с 8 часов 30 минут исповедовались католики, с 9 часов проводил богослужение католический священник, а с 10 часов 15 минут проходило богослужение евангелистов с участием военного проповедника [5, л. 2].

Сложно говорить об организации богослужений в лагерях для военнопленных и получении ими духовной опеки. В разработанной в Берлине 2 августа 1939 года «Инструкции о жизни и поведении военнопленных». Ч. II. Служебные указания для начальника рабочей команды военнопленных» содержались предписания относительно

удовлетворения их религиозных потребностей. Посещение военнопленными церкви могло носить лишь добровольный характер. Начальник рабочей команды с согласия коменданта стационарного лагеря по вопросу церковных богослужений для военнопленных должен был договориться с местными или близлежащими церковными учреждениями. Посещение следовало организовывать во вне рабочее время, оно не должно было совпадать с посещением церкви гражданским населением. Решение о выделении духовных проповедников из числа военнопленных принимал комендант лагеря. Охрану во время богослужений следовало организовать таким образом, чтобы исключить малейшую возможность для побега военнопленных [10, лл. 100-101].

Возможно, первоначально немцы могли допустить в лагерь духовных лиц для проведения опеки над пленными. В советских источниках и историографии таких сведений не имеется. Зарубежная историография отмечает отдельные факты помощи со стороны ксеназов военнопленным – как духовной, так и материальной.

Обращает на себя внимание факт снижения интенсивности «законотворческой» деятельности высших органов власти в отношении религии в 1943–1944 годах. Очевидно, немцы не считали нужным разработку каких-то особых законодательных актов в отношении религии и церкви. Выполнение изданных ранее было достаточно для реализации поставленных целей. Да и положение на советско-германском фронте складывалось не в пользу немцев. А это было важнее, чем религиозные проблемы.

1. Государственный архив Гродненской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
2. Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 174.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 370. Оп. 6. Д. 5.
4. Там же. Д. 47.
5. Там же. Ф. 379. Оп. 2. Д. 45.
6. Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24.
7. Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 13.
8. Там же. Д. 52.
9. Там же. Д. 112.
10. Там же. Ф. 4683. Оп. 3. Д. 914.
11. Национальный архив Республики Беларусь. Микрофильм. Арх. № 236.
12. Там же. Арх. № 247.
13. Hitler Adolf. Mein Kampf. (Moja Walka). (tl. z ncm. Irena Puchalska, Piotr Marszałek). – Krośno; Skripta Manent, 1992. – 284 s.
14. Krausnick Helmut. Hitlers Einsatz – grupper. Die Truppe des Weltanzauungs-niegcs 1938-1942. – Frankfurtmeim: geszichte Fischer, 1985. – 400 s.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1942 – НАЧАЛЕ 1944 ГГ.

В.А. Белозорович

г. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы

Исходя из рекомендаций Научно-исследовательского института земледелия и продовольственного хозяйства Европы, министерство по делам оккупированных территорий подготовило проект аграрной реформы. 15 февраля 1942 г. был принят декрет Альфреда Розенберга «Новый порядок землепользования». Его цель состояла в том, чтобы заинтересовать крестьянство в развитии сельскохозяйственного производства для обеспечения немецкой армии продовольствием. Предусматривалось реформировать колхозы в общинные хозяйства, совхозы – в государственные хозяйства (земские дворы), а МТС – в сельскохозяйственные базы.

Согласно декрета отменялся Примерный устав сельхозартели, а земля разделялась на приусадебную и общинную. Приусадебный участок считался собственностью двора (от 0,25 до 1 га), а общинная земля распределялась по шнуровому принципу ме-